

УДК 167

**ПРОБЛЕМА УНИКАЛЬНОСТИ В ТЕХНОГЕННОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ И МЕТОДОЛОГИИ XXI ВЕКА****В.В. Гусаченко**
Харьков, Украина.

В отечественной философии не было постмодернистов, но маргиналы были. Одна из самых колоритных и глубоких фигур такого рода - Л. Шестов. Он сделал немало интересных замечаний о методологии и цивилизации своего времени и, по нашему мнению, о методологии и цивилизации будущего. Мы имеем возможность проверить его взгляды, поскольку это будущее для нас - настоящее.

Модерная общеполитическая методология (цивилизация) и её характеристика Л. Шестовым. Основы политической методологии модерна связаны с механицизмом Р. Декарта или с теорией «органических» систем, разработанной немецкой классической философией (в основном Гегелем) и К. Марксом. Механицистическая методология восходит от частей к целому и фактически не признаёт системных качеств: качества системы обусловлены и могут быть объяснены качествами её частей. «Органическая» (организменная) методология исходит из целого и наделяет «органы» системными качествами. Однако основным общим свойством обеих методологий является доминанция общего над частным, просто в первом случае это - абстрактно общее (функционирование, простое воспроизводство), а во втором - конкретно общее (развитие, расширенное воспроизводство). Также в обоих случаях система мыслится как конечная (будь то пружинные часы, Солнечная система или живой организм).

«Адогматическое мышление» Л. Шестова и протестует прежде всего против доминанции общего над единичным, индивидуальным - как в методологии, так и в жизни. «Самый продолжительный и разнообразный опыт не может привести ни к одному обязательному и всеобщему заключению» [1, с. 117]. «И вовсе нет надобности, чтобы движение его [человека. - В.Г.] было результатом заранее обдуманного плана» [там же]. «Наше горе в том, что люди создали себе иллюзию, будто бы планомерность наиболее всего обеспечивает успех» [там же]. Книжки бывают чрезвычайно интересны «именно постольку, поскольку они не заключают в себе общих правил. Горе тому, кто вздумал бы строить свою жизнь по Шопенгауэру, Гегелю, Толстому, Шиллеру или Достоевскому!» [там же, с. 165]. Наука «принимает [...] только те явления, которые постоянно чередуются с известной правильностью» [там же, с. 170]. «Она признаёт истинными только такие суждения, которые могут быть проверены всяким и всегда» [там же]. В социальном плане всеобщность метода, по Шестову, оказывается связанной со всеобщностью толпы: «Поддержка толпы есть необходимое условие существования современной философии и её рыцарей печального образа» [там же, с. 172].

Соответственно Шестов воздаёт похвалы индивидуальному. Но индивидуальное может пониматься по-разному. Это может быть личностное воплощение всеобщего (подобно соотношению микрокосма и макрокосма), когда отбрасываются все единичные признаки, а может быть - единичное индивидуальное. В последнем случае оно рационально невыразимо («то единственное»). При этом Шестов особенное внимание (если даже не особенное уважение) уделяет опыту

обыкновенного человека, а не только мыслителя и учёного, и, соответственно, здравому смыслу, который предполагает определённое чутьё, интуицию, – опять-таки, единственность – а не только суждение по прецеденту или по поговорке («смелость города берёт», «поспешишь – людей насмешишь» и т.д.). «Истин столько, сколько людей на свете. [...] почему бы в самом деле каждому взрослому человеку не быть творцом, не жить за свой страх и не иметь собственного опыта? [...] совершеннолетних, ищущих указки, следует всячески клеймить и порицать [там же, с.165]. Книжки «можно и даже должно читать, но жить надо своим умом» [там же]. «Нет общеобязательных суждений – обойдёмся необщезначительными» [там же]. «Опыт гораздо шире, чем научный опыт, и единичные явления говорят нам гораздо больше, чем постоянно повторяющиеся» [там же, с.170]. И своеобразное резюме: «если вы сохранили живые глаза и чуткий слух, – бросьте инструменты и приборы, забудьте методологию и научное донкихотство и попытайтесь довериться себе» [там же, с.172–173].

Методология XXI в: уникальность и метод. До сих пор (примерно середина XX века) метод был органически связан с категорией всеобщего и никоим образом не с категорией единичного (на которое, мол, можно только указать). Что такое метод? Совокупность постулатов (посылок) и правил следования. Метод это: «Делай так», а не «Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что». Но именно в такой ситуации – «ситуации постмодерна» – мы и оказались, и отсюда, как представляется, наши затруднения с методологией.

В самой общей форме это связано с тем, что объект исследования всё более и более становится единичным и индивидуальным, например: 1) планета Земля (природа); 2) реформы в Украине в начале XXI века (общество); 3) жизненный опыт (характер, состояние здоровья и т.д.) Иванова, Петрова и т.д. Нужны ли здесь методы? Да, нужны. Нужны ли здесь уже известные (в том числе классические) методы? Да, нужны. Достаточно ли здесь этих методов? Как правило, нет. Количество нестандартных объектов исследования всё время гигантски возрастает. И тогда становится очевидной простая истина: метод так же единичен, уникален, как и предмет, следовательно, он должен (в большей или меньшей степени) так же открываться, как и предмет (мыслил ли Декарт согласно своему методу, когда искал его?). Кризис методологии, таким образом, состоит в том, что она стремится быть преимущественно единичной (уникальной), а не всеобщей.

Два примера на эту тему. Первый связан с сетевой методологией, второй с теорией аутопоэзиса У. Матураны и Ф. Варелы. В рамках механистической методологии целое состоит из частей и части идентичны себе в процессе взаимодействия. В сетевой парадигме частей как таковых нет, есть уникальные изменчивые взаимоотношения условных элементов («элементарных частиц»). «Сами объекты являются сетями взаимоотношений, включёнными в более обширные сети» [2, с.54]. «Системное мышление – это всегда процессуальное мышление» [там же, с.59]. Гуманитарным аналогом сетевой парадигмы может послужить концепт номадической сингулярности Ж. Делёза: постоянно движущаяся точка не сохраняет (не обретает) свою идентичность в процессе движения.

Теория аутопоэзиса основана на положении, согласно которому процесс жизни и процесс познания – это один и тот же процесс. Аутопоэзис – это постоянное сотворение (= познание) мира системой, взаимодействующей с окружением – своего, каждый раз уникального мира, а не внешнего, якобы независимого от неё и именно сотворение, а не отображение. Внешний мир изменяет структуру системы (прежде всего её нервной системы), но система при этом остаётся автономной, так как она осуществляет выбор, какие именно внешние воздействия будут модифицировать её структуру.

«Структурные изменения в системе – это и есть акты познания» [2, с.288]. Если познание охватывает весь процесс жизни, то оно не обязательно нуждается в разуме и даже в мозге и нервной системе. Не так уж сложно понять, что познание свойственно всему живому, ещё легче – что человек познаёт не только рационально. Важнее и сложнее понять, что «человеческая мысль всегда погружена в телесные ощущения и процессы, которые вносят свой вклад в полный спектр познания» [там же, с.295].

Уникальность и техногенная цивилизация. Эта ситуация противоречива, конфликтна, может быть даже и трагична. Техногенная цивилизация делает невозможной человеческую жизнь без машин, прежде всего компьютеров. Сколько бы мы ни говорили о совместимости нынешних и будущих поколений машин с творчеством или об исчезновении грани между машиной и человеком, преобладание автоматизма над творчеством будет подстерегать нас на каждом шагу. Другое дело, что творчество есть и на уровне повседневности да и автоматизм далеко не всех удручает. Во всяком случае автоматизм этот заменяет и дополняет авторитаризм. Две стороны истории культуры, о которых говорил Б.Ф. Поршнев, сохраняются [3].

Если выразить суть антропологического аспекта техногенной цивилизации, то можно сказать, что она лишила человека рассудка и передала его машинам. «Шахматы убиты компьютерами» – сказал Бобби Фишер. Какие там шахматы – вся культура модерна! Человеку просто не остаётся ничего другого, как пользоваться разумом. Если раньше одни открывали истины (метафизические или научные), а другие применяли, то сейчас можно, конечно, продолжать в том же духе, но «природа повелительно требует от каждого из нас индивидуального творчества» (Л. Шестов). И не следует забывать, как подчёркивает и Шестов, и Умберто и Матурана, что здравый смысл тоже относится к разуму. Разум это не только $E=mc^2$, да и то только в момент открытия. Экспертные компьютерные программы не могут превзойти опытного эксперта, потому что последний действует на основе интуитивного восприятия всей совокупности фактов и может обновлять свои программы, чего не может компьютер.

Таким образом, разум, смысл, интуиция всё более доминируют над методом, но вовсе не избавляются от него.

Что касается Льва Шестова, то мы соотносили его взгляды с теорией познания и методологией науки XXI века, меж тем как его больше всего интересовал Бог, метафизика (беспочвенности). Но в самом главном это не имеет значения: идёт ли у него речь о Боге, метафизике или науке, он всегда говорит о «той истинной действительности, которая создана благостным и неистощимо творческим Вдруг» [4, с.395].

Список литературы

1. Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. Опыт адогматического исследования. – Ленинград: 1991.
2. Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем. – К., М.: 2003.
3. Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. – М.: 1964.
4. Шестов Л. На весах Иова // Лев Шестов. Соч. в 2-х томах. Т.2. – М.: 1993.